

Сегодняшняя сцена как раз рассказывала о том, как выросший в золотой клетке маленький господин Цзоу объявляет своему отцу и старшей сестре о намерении отправиться на север и поступить на военную службу.

Когда рассказчик закончил, с двух сторон зазвучали струнные и духовые инструменты, звуки цитры и бамбуковых флейт были похожи на плач, печальны. Хо Ци и остальные быстро погрузились в пьесу. Настроение этой сцены было скорбным, трое актёров играли очень выразительно, у многих слушателей на глаза наворачивались слёзы.

В кульминационной части пьесы старик восседал на высоком месте в зале. Хотя он с гневом смотрел на непочтительного сына у подножия, рука, держащая посох, дрожала, будто он в глубине души ужасно боялся, что его любимый младший сын действительно осуществит свой план отправиться на север сражаться с врагом. Он пел с печалью:

— С древних времён люди говорят: «Пока родители живы, не уезжай далеко». Зачем же ты, сын мой, так упрям, зачем непременно рвёшься на север?

Старшая сестра, услышав слова отца, вытирала слёзы с уголков глаз шёлковым платком и тоже уговаривала:

— Сестра слышала, что северные земли пустынные, суровы и безлюдны. Помню, в прошлом году на праздник Фонарей брат сопровождал сестру среди огней, ярких как день. Как же можно нынешней весной покинуть Цзиньлин? Даже если мы пойдём рука об руку в те же места, что и в прошлом году, останется лишь одинокий фонарь в долгой ночи.

Маленький господин Цзоу, услышав уговоры отца и сестры, тоже облился слезами. Он сделал три шага вперёд, затем два назад, наконец ухватился за руку сестры. Колокольчики на его ногах зазвенели от этих движений вперёд-назад. В сопровождении печальных мелодий флейты и окарины нежный звон колокольчиков тоже словно наполнился бесконечной тоской. И вот юноша запел:

— Сестра, не печалься. Я мужчина, должен стремиться к великим свершениям, должен скакать по полям сражений, должен сражаться в западных коридорах, а не быть как старший брат, взвалившим на себя надежды рода.

Голос юноши был чистым, печальным, но каждое слово звучало твёрдо. Спев эту строчку, он снова посмотрел на старого отца в зале, глаза полные слёз. Увидев, что борода и усы отца совсем белые, не смог сдержать слёз, в глазах затуманилось, он сделал неуверенный шаг вперёд и снова запел:

— Отец, ты много повидал, разумен и мудр. Знаешь, варвары свирепы, их кривые мечи часто обнажены. Странники в лохмотьях, женщины и дети плачут от голода. Хорошие мужи гибнут первыми, добрые жёны рыдают в слезах. За что страдают невинные? Чтобы избавить народ от страданий.

Старый отец смотрел на младшего сына внизу сквозь слёзы, видя, как тот изливает свои великие устремления. Сердце его тоже сжималось от боли. Но как отец он мог допустить, чтобы его нежный сын отправился на далёкую границу и погиб напрасно? Он ответил:

— Люди равнин хрупки, пришельцы же — все ху и цяны. Сын мой, тело твоё слабое, зачем же идти на границу? Старые родители дома, их печень и кишки рвутся от боли. Сын мой, иди сюда, иди.

Юноша послушно подошёл, склонился и упал на колени отца. Старик обеими руками погладил виски сына и пропел:

— Сын мой, прекрасен твой облик, сердце твоё подобно белоснежному нефритовому кувшину. В твоей нахмуренности — скорбь и тоска, разве есть место, где ты не вызывал бы жалости? Ты худ и слаб, тебя надлежит хранить в золотой клетке.

Маленький господин знал, что отец и сестра любят его, не хотят, чтобы он страдал и уставал, тем более боятся, что он погибнет на поле боя и не вернётся. Но его стремления в сердце изменить было нельзя.

Он думал:

— Отец и сестра жалеют меня, не хотят отпускать на северную границу. Но когда смутные времена улягутся и наступит мир, я вернусь домой в богатстве и славе.

Далее следовала сцена, как маленький господин Цзоу тайком собирает вещи и покидает дом, отправляясь на север. Юноша, покидая Цзиньлин, тоскует по городу, из сердца рождается печальная песнь. Каждое слово было исполнено очень точно, за несколько фраз чувство разлуки переполнило сцену.

Хотя вокальное мастерство Ло Цинъяна и уступало профессиональным актёрам, его голос был чистым и звонким, эмоции — искренними. В каждом движении он словно действительно становился маленьким господином Цзоу из Цзиньлина, сердцем болеющим за Поднебесную. У него были великие устремления, он был негибким. Ни один из зрителей не остался равнодушным, все проникались его пылом. Видя, как он тоскует по родным и друзьям, как слёзы орошают его синие одежды, невольно тоже проникались печалью. Каждое слово юноши могло так трогать сердца.

Ли Цзянь, дослушав до этого места, не выдержал — глаза его покраснели. Он украдкой вытер слёзы рукавом, заметив, что сидящий рядом генерал Хо пристально, не отрываясь, смотрит на сцену. Мужественное лицо мужчины было слегка приподнято, прямой нос привлекал особое внимание. Указательный палец его правой руки, лежащей на столе, непроизвольно отстукивал ритм по деревянной поверхности, и этот ритм точно совпадал со звуками струнных и бамбука на сцене.

Говорят, основатель нашей династии, Гао-цзу, был прекрасен лицом. Хотя он обладал доблестью, способной покорить три армии, враги часто насмехались над его женоподобной красотой и худощавым, тщедушным телосложением. Именно поэтому, когда Гао-цзу действительно завоевал Поднебесную, все были поражены. Гао-цзу не только заложил основы уставов и законов для потомков, но и незаметно повлиял на эстетические представления нашей династии, особенно на представления о мужской красоте.

До Гао-цзу больше всего ценились высокие, могучие, внушительные мужчины. Но после Гао-цзу больше стали цениться мужчины с красивыми, изящными чертами лица. К тому же, с расцветом государства, развитием культуры и образования, военная подготовка постепенно ослабла, учёные-конфуцианцы заняли большинство постов при дворе. Они ценили изящные манеры, считали, что мужчина должен быть учтивым, мягким, почтительным, бережливым и уступчивым, и, естественно, больше обращали внимание на внешний вид и манеры мужчин.

Поэтому в глазах современников внешность наследного принца Ло Тяньчэна принадлежала к первому разряду, способному заставить всех девиц в покоях стремиться к нему. Но Ли Цзянь больше нравилась утончённая красота Ло Цинъяна. Как бы то ни было, о таких

военачальниках, как Хо Ци, люди больше судили по их ратным подвигам, и редко кто оценивал их внешность. Но сегодня, внимательно рассмотрев черты лица Хо Ци, Ли Цзянь не мог не мысленно восхититься: черты генерала Хо благородны и мужественны, осанка величественна, его можно назвать человеком, подобным нефритовой горе.

Хо Ци, на которого всё это время смотрел Ли Цзянь, казалось, не замечал его взгляда. Острые глаза его были прикованы к сцене. Только когда опера закончилась и Ло Цинъян сошёл со сцены, он спокойно произнёс:

— Господин Ли, вы на моём лице цветок разглядели?

— А? — Ли Цзянь, как раз собиравшийся отвести взгляд, смутился.

Взглянув на сцену, он увидел, что представление уже закончилось, и в душе пожалел. Он только засмеялся и поспешил ответить:

— Сегодняшняя опера в основном о пограничных землях. Генерал так величественен, у меня в сердце невольно возникли чувства, я не смог сдержать себя и немного засмотрелся на генерала.

Объяснение не только не помогло, но и сделало ситуацию ещё более неловкой. Услышав это, Хо Ци слегка нахмурил брови и наконец оторвал взгляд от сцены, посмотрев на него. Ли Цзянь замер, улыбка на его лице тоже застыла. Но Хо Ци ничего не сказал, поднялся и вышел из комнаты.

Сойдя со сцены, Ло Цинъян вернулся в специально подготовленную комнату, чтобы переодеться. Снаружи Хо Ци уже служанка провела к двери комнаты. Дежурный слуга у входа остановил его:

— Уважаемый гость, здесь переодеваются актёры павильона, вы не можете войти.

Актёры Павильона, Достигающего Облаков, будь то мужчины или женщины, все были красивы. После представления всегда находились поклонники, которые искали пути за кулисы, чтобы пообщаться с ними поближе. Слуга у двери уже привык к такому. Но сегодняшний обитатель этой комнаты — управляющий тысячу раз наказывал присматривать за ним особо тщательно. Поэтому, даже если Хо Ци выглядел как человек высокого положения, они всё равно должны были его остановить.

Как раз в этот момент Ло Цинъян, переодевшись, вышел из-за ширмы. Его тёмные волосы свободно ниспадали на плечи, он лишь схватил их и кое-как связал светло-синей шёлковой лентой. Он спросил наружу:

— Снаружи генерал Хо? Входите.

Раз Ло Цинъян сам распорядился, привратник, естественно, открыл дверь и впустил Хо Ци.

Когда мужчина вошёл, Ло Цинъян как раз надевал сапоги. Во время пения он был босиком, теперь же, сойдя со сцены, нужно было обуться. Хо Ци успел заметить лишь полоску белоснежной лодыжки.

— Генерал, что привело вас? Представление генералу понравилось?

Приведя себя в порядок, Ло Цинъян, увидев, что Хо Ци вошёл, пригласил его сесть за стол,

налил ему чаю. Казалось, он очень хорошо знал это место. Хо Ци спокойно отпил чаю и наконец заговорил:

— Наследник пел прекрасно.

Услышав похвалу мужчины, Ло Цинъян самодовольно улыбнулся, брови и глаза расслабились. Хо Ци, случайно заметивший эту улыбку, почувствовал, будто в комнате распустились цветы, ослепившие его.

— Что не предупредил генерала заранее о пении, я прошу прощения и вместо чая подношу вино.

Хо Ци спокойно смотрел на сидящего напротив Ло Цинъяна. Юноша уже переоделся в свою обычную роскошную парадную одежду, на лице — тонкий слой румян, тёмные как вороново крыло волосы рассыпаны по плечам. Весь он был ослепительно ярок, его красота не уступала ни одному актёру Павильона, Достигающего Облаков. В руке он держал чашку, его глубокие, как вода, глаза смотрели на него.

Хо Ци тоже поднял чашку, но не посмел встретиться взглядом с глазами юноши. Только спокойно взглянул, затем опустил глаза, не позволяя ему заметить бушующие в его глазах эмоции.

— Наследнику не стоит извиняться. Услышать пение наследника — уже великая удача для Хо.

Хо Ци поставил чашку, огляделся и обнаружил, что в комнате, кроме Ло Цинъяна, больше нет актёров. Понял, что эта комната, должно быть, предназначена специально для Ло Цинъяна. Видимо, не только юноша хорошо знаком с Павильоном, Достигающим Облаков, но и павильон хорошо знаком с ним.

<http://bllate.org/book/15614/1394146>